

Джим Батчер Прикрытие



Аннотация

Действие происходит между событиями, описанными в произведениях «Маленькое одолжение» и «Продажная шкура» (11 файл Дрездена).

Джим Батчер Прикрытие (Backup)

Давайте сразу кое-что проясним. Я не Гарри Дрезден.

Гарри — чародей. Подлинный, кристально честный волшебник. Он — Гэндальф вколовший внутривенно смесь из героина и «Red Bull», в большом кожаном плаще и с револьвером сорок четвертого калибра в кармане. Он готов плевать в глаза богам и демонам, если считает, что он прав. И к черту последствия! Пока, так или иначе, моему маленькому братцу удастся оставаться достойным человеком.

Будь я проклят, если я знаю как. С другой стороны, я давно уже проклят. Меня зовут Томас Рэйт, и я — чудовище.

Компьютер в моём маленьком офисе тихо заиграл, привлекая моё внимание. Я поставил мелодию гимна нацистской Германии, который проигрывает всякий раз, когда мне приходят сообщения от членов моей семьи. Естественно, не от моего сводного брата Гарри. Гарри и электронная почта несовместимы, как Роберт Дауни и трезвость. Я имею в виду другую часть моей семьи.

Монстров.

Закончив убирать рабочее место, я глянул на часы. Оставалось пять минут до прихода следующей посетительницы. Я окинул быстрым взглядом салон, улыбнулся постоянной клиентке шутливо бранящейся с молодой стилисткой, работающей с ней, и вышел в холл.

Повернув за угол, я спустился вниз по узкой лестнице и прошел десять футов по вызывающему клаустрофобию коридору, чтобы добраться до своего офиса. Сев за стол я движением мышки пробудил ноутбук к жизни. «Антивирус» просканировал письмо, и музыка снова заиграла, просигналив, что оно безопасно. Звук прозвучал с такой громкостью, что обычный человек смог бы услышать мелодию максимум от лестницы, но никак не из конца холла. Письмо от admin@whitecourt.com было пустым, но в теме значилось:

«Re: За. бв. ен. Ие.»

Ох.

Супер.

Только этого мне не хватало.

На самом деле я никогда не наслаждался общением с этой половиной моей семьи, даже когда предметом беседы было что-то скучное — как например бизнес, имеющий отношение к войне между Вампирскими Коллегиями и чародейским Белым Советом. Чтобы это ни было, то во что меня хотела втянуть Лара, было плохой новостью.

Но когда это касалось Забвения, это было еще хуже.

В моем мобильном номер Лары был забит в быстрых вызовах. Я позвонил ей.

— Брат мой, — промурлыкала моя старшая сестра сладким, как мед голосом. Это был такой голос, который заставлял мужчин фантазировать на всякие грязные темы, которые они никогда не осуществят в действительности. — Ты мне почти не звонишь нынче.

— Я тебе никогда часто не звонил. Только периодически. — Я игнорировал соблазн, скользивший у неё в голосе. Она недавно питалась... или собиралась питаться сейчас.

— Чего ты хочешь?

— Ты получил моё письмо?

— Да.

— Есть проект, который я думаю, тебя заинтересует.

— Почему?

— Посмотри на него, — подсказала она. — Ты все поймешь.

Линия предположительно была безопасной, но мы оба знали цену такой безопасности. Ни один из нас не упомянул бы деталей по телефону и мы, конечно, не будем использовать слово «забвение». Слишком много Венаторов было раскрыто, слишком поздно мы осознали, что у врагов очень тонкий слух, и они могут без промедления принести войну в дома тех, кто беспечно небрежен и не следит за своим языком.

Прошло уже, примерно, восемь лет с тех пор, как я ввязался в войну Забвения. Я предполагал, я должен был знать, что у меня не получится избежать борьбы вечно. Лара — единственный другой Венатор Белой Коллегии, была совершенно занята её текущей деятельностью, а именно — проводя дни, манипулируя нашим отцом, как марионеткой, подвешенной на сверхъестественных ниточках, и управляя Белой Коллегией из тени позади его трона. Конечно, если что-то действительно случилось, она отправит меня одного улаживать все дела.

— Я занят, — сказал я ей.

— Ухаживаешь за питомцами? — протянула она. — Подстригаешь им мех? Проверяешь на блох? Приоритеты. Не забывай о приоритетах, брат мой.

Лара особенно раздражающая, когда у неё есть дело.

— Где ты хочешь встретиться?

Она рассмеялась, теплым, почти осязаемым голосом.

— Томми, Томми, мне, конечно, льстит, что ты хочешь побыть со мной, но нет. У меня не так много времени, чтобы проводить его, играя в твои игры. Я послала курьера со всем, что тебе надо, и... Ммммм... — Её голос превратился в чувственное, пронизанное удовольствием мурлыканье. — Ты знаешь правила. Не задавай слишком много вопросов, брат мой, — проворковала она. — Не забивай такую симпатичную голову всякими

сложными вещами. Поезжай в свою квартиру. Поговори с курьером. Возьми задание. Или у тебя и у меня будет очень.... ааахххх..... дааа.... — Её дыхание ускорилося. — Очень серьезная ссора.

Я услышал на заднем фоне другие характерные звуки и другой голос. Женский. Может быть два. Большинство из моей семьи не страдают тем, что вы зовете разборчивостью, когда это касается питания на смертных.

— Я бы сказал тебе, что ты была гораздо более приятной особой, до того, как ввязалась в эти игры серого кардинала, Лара, — сказал я. — Но ты и тогда была редкой сучкой.

Я положил трубку, прежде чем у нее появилась возможность мне ответить и, размышляя, поднялся по лестнице. Это всегда полезно, хорошенько подумать, пока есть время, прежде чем нагрянет настоящий ошеломляющий кризис. Таким образом, когда он приходит у тебя есть доли секунды на принятие решения, прежде чем что-то пришедшее из-за грани небытия начнет разрывать на кусочки твою душу, ты можешь пропустить излишние сомнения, сразу начав делать ошибки.

Когда ты имеешь дело с кем-то таким же умным, хитрым и порочным, как моя сестра, ты ничего не приминаешь за чистую монету. Она задумала что-то. И чем бы это ни было, это включает в себя давление на меня, чтобы я торопился. Лара хочет, чтобы я поспешил и действовал вслепую. Если она хочет, чтобы я что-то сделал, то, самое лучшее для меня не делать этого.

К тому же я не хотел, чтобы Лара начала думать, что я побегу куда угодно по её приказу всякий раз, когда она щелкнет пальцами. Еще более важным было то, что я не хотел попадать в зависимость от неё. Это был бы первый необратимый шаг к тому, чтобы попасть в еще более жесткие тиски, как она уже проделала с нашим отцом.

В любом случае я пока не мог уйти, у меня еще была работа.

И я был голоден.

Мишель Мэрион — старшая дочь уважаемого сенатора Мэриона, представляющего великий штат Иллинойс — приехала на стрижку, на пару минут раньше назначенного времени. Мои клиенты почти всегда так делают, особенно более юные. Мишель была брюнеткой, хотя этого нельзя было определить по её внешнему виду. Только её парикмахер знает об этом.

— Томас! — воскликнула она с европейским акцентом и улыбнулась мне. — Что ты сделал со своими волосами?

Я подстригся немного короче после того, как запущенная убийцей фейри горящая стрела опалила большой участок моих волос, — но это не та история, которой следует делиться со своими клиентами, особенно когда ты изображаешь модного французского стилиста.

— Дорогая, — произнес я, беря её за руки и целуя в обе щеки. Стоило моей коже коснуться её, как внутри меня вспыхнул Голод. Демон радостно встрепенулся и буквально через один или два удара сердца она затрепетала, её пульс ускорился и зрачки расширились. Голод повторил мне то, что всегда говорил о Мишель. Несмотря на то, что она выглядела очаровательной, благовоспитанной и нежной, её подавляемые желания были гораздо более темными, что делало её легкой добычей. Пальцы, скользящие сзади по её волосам, ощущение мужского тела, прижавшего её к стене — это было то, о чем она фантазировала. Она бы последовала за мной через холл по лестнице вниз без единого возражения. Я мог взять её там. Я мог удовлетворить её жажду, накормить Голод, забрать её жизнь и наполнить свою. Я мог оставить свою метку, разъедающую ей ум и душу, что заставило бы её постоянно приходить ко мне — охотно, пылко, страстно, чтобы получать еще. Снова, и снова, и снова...

Пока она не умрет.

Я заставил Голод отступить вглубь порочной части моей души и улыбнулся Мишель, прикрываясь акцентом так же легко, как натягивая итальянскую кожаную перчатку.

— Я почувствовал скуку, такую нудную скуку, дорогая. Я почти решил сбрызнуть их

все, просто чтобы всех шокировать.

Девушка рассмеялась, её щеки все еще пылали от возбуждения, проснувшегося от прикосновения моего демона.

— Ты не решишься!

— Не беспокойся, — заверил я ее, беря за руку и подводя к креслу. — Мужчины, которым нравятся такие вещи однозначно не мой типаж.

Она снова рассмеялась, и я поддерживал, пустую болтовню ни о чем до тех пор, пока не наклонил спинку её стула к сливу и начал мыть ей голову.

Голод вынырнул на поверхность нетерпеливый как всегда, и я позволил ему начать питаться на девушке.

Глаза Мишель слегка остекленели, когда я начал медленно, очень медленно, очень тщательно мыть ей волосы, делая в процессе полный массаж головы. Я чувствовал её мысли, скользкие в тщетных фантазиях, когда легкое тепло её ауры поднималось моим пальцам и плавно скользило в меня.

Голод кричал мне сделать больше, взять больше. Он кричал, что этого недостаточно. Но я так не сделал. Кормление было бы ... восхитительным. Но это, возможно, причинило бы ей боль. Это могло даже убить её. Поэтому я продолжал спокойными, мягкими круговыми движениями всего лишь дегустировать её жизненную силу. Она вздохнула от блаженства, когда её фантазии растворялись в ласковой эйфории, и я вздрогнул от дикого желания дать волю своему Голоду и взять больше. В некоторые дни было сложнее, чем обычно сдерживать себя. Но это было то, что я делал. Это было то, что оставалось. Мишель уехала приблизительно час спустя с подстриженными и подкрашенными волосами, хорошо расслабившись, жизнерадостная и счастливая, приглушенно мурлыча в такт дыханию. Я наблюдал, как она уходит, а мой Голод ворчал от досады и тревожно метался в клетке, которую я создал для него в мыслях, разъяренный тем, что добыча убегала. Замерев, я обнаружил, что повернулся, чтобы пойти за ней. Моё тело напряглось, чтобы сделать шаг вперед, чтобы отвести её в какое-то тихое местечко и...

Я отвернулся в сторону и вернулся на своё рабочее место, начав привычно наводить порядок. Не сегодня. Однажды, без сомнения, Голод возьмет вверх надо мной, и будет питаться, и питаться до тех пор, пока не останется единственным хозяином моей души и тогда ничего не останется от меня. Но не сегодня.

Я оставил салон в надежных руках моих работников и пошел к своей машине — белому «Хаммеру» — огромному, дорогому и ужасно показушному. Но так же это было одно из наиболее крепких транспортных средств, которые может купить гражданский. Целые секции домов могут падать на него, не причиняя ничего кроме незначительных неудобств, в отличие от гигантских демонов-насекомых. И прежде чем вы спросите, откуда я это знаю, отвечу, что из личного опыта. Поэтому я знаю, что иметь в руках по-настоящему надежное транспортное средство это вовсе не плохая идея, особенно когда у тебя такие враги, как у меня: мои собственные плюс вся та милая компания, которую умудрился задеть мой младший брат.

Прежде чем я сел в джип я проверил двигатель, шасси и салон на наличие взрывчатки. Одна из причин, из-за которой Лара могла хотеть, чтобы я торопился, это то чтобы я в спешке залез в машину, повернул ключ зажигания и взрыв разбросал бы маленькие кусочки меня по всему Чикаго.

Я включил МРЗ-плеер с записью Моцарта в стиле исполнения Violent Femmes¹ и с шумом поехал к дому, в котором снимал апартаменты. Я надеялся, что чего бы Лара ни хотела, это не заставит меня перерывать все медвежьи углы на земле. Снова. Даже, несмотря на то, что на наш вид вампиров не распространяются такие слабости остальных, как солнечный свет или бегущая вода, некоторые места, в которые меня забрасывали миссии Забвения, точно не были туристическими аттракционами.

¹ Рок группа США 1980 г.о.

Я жил в модном, дорогом здании, построенном на чикагском Золотом Берегу. Это не совсем соответствовало моим вкусам, но это было то место, где французский стилист Томоуус может жить. Когда ты вампир первая вещь, которую ты осваиваешь еще в юности, это умение маскироваться и когда ты делаешь это, приходится досконально продумать каждый аспект легенды. Это было здание с высоким уровнем безопасности, но, несмотря на это курьер Лары будет ждать меня в моей квартире. У моей сестры были большие возможности.

Прежде чем выбраться из джипа, я откинулся на сиденье, чтобы подвесить под плащом вложенные в ножны кукри и аккуратно пристроить сзади на спине «Дезерт Игл», воткнув его стволом за пояс кожаных штанов и спрятав выпуклость за одеждой. Это пришло мне на ум за десять минут до назначенной встречи, напомнив, что ожидающий меня курьер может быть превосходным убийцей, скрывающимся внутри в ожидании моего появления, и мне не стоит снижать свою боеспособность.

Я поднялся к своей квартире и, сжав нож зубами, достал пистолет, держа его вниз стволом параллельно ноге. Потом я стал как можно левее от двери, открыл её и толчком распахнул. Никто не открыл стрельбу. Я замер на мгновение, выжидая и прислушиваясь, и уловил две вещи — глухие удары учащенного сердцебиения и запах её шампуня.

Её шампуня. Я лихорадочно зашел в комнату, отбрасывая оружие, и Жюстина бросилась ко мне от окна на противоположной стороне помещения. Ее руки обвились вокруг меня, и я должен был напомнить себе, что если не буду сдерживать себя, то могу причинить ей боль, обняв её с максимальной силой, на которую был способен. Жюстина прижалась еще сильнее, словно хотела раствориться во мне. Она издала тихий всхлипывающий смешок и прижала своё лицо к моей футболке.

Она ощущалась так хорошо... такой мягкой, теплой и живой. Мы просто застыли там надолго, прижимаясь один к другому. Мое тело затрепетало от желания, и миг спустя мой Голод взвыл от бешеной похоти.

Жюстина. Наша самка, наша бутылка марочного вина, наша, наша, наша. Так много ночей помнящих её крики под нами, так много разных вздохов, так много прикосновений — таких богатых, теплых, сумасшедшим потоком льющих в нас жизнь.

Я проигнорировал демона, но пока блокировал его, я, не задумываясь, поднял правую руку и погладил её по волосам.

Боль. Боль, такая нереальная, такая всепоглощающе сильная, что я не могу в должной мере описать это, волной поднялась вверх по моей руке, словно вместо мягкости этих волос я прикоснулся к высоковольтному кабелю. Я зашипел и чисто рефлексивно отдернул руку.

Солнечный свет, святая вода, чеснок и кресты не представляют ни малейшей опасности для инкубов Белой Коллегии. Но прикосновение того, кто действительно любит, и любим — это совсем другая история.

Я посмотрел на руку. Она моментально покрылась волдырями. Жюстина с огорчением на прекрасном лице отшатнулась от меня.

— Извини меня, — прошептала она. — Извини, я не подумала.

Я покачал головой.

— Все в порядке, — произнес я, тихо отступая от неё на шаг, в то время как демон в моих зрачках кричал от разочарования. Она чуть прикусила губу и заглянула мне в глаза. Прошло очень много времени с тех пор, как я встречался с Жюстиной лицом-к-лицу. Я забыл, какой прекрасной она была. Линии её лица едва уловимо изменились. Она сейчас выглядела более стройной, более уверенной, более жесткой. Возможно, я переборщил в общении с существами, которые были бессмертными или практически таковыми. Так легко забыть, как много может измениться за несколько лет.

Её темные волосы, конечно, канули в лету. Они выросли такими же пышными, длинными и вьющимися, как и раньше, но теперь они были серебристо-белые. Это я сделал с нею такое: питаюсь на ней, высушив её практически до самой смерти, почти вырвав жизнь из её тела, пытаюсь накормить Голод.

Я на мгновение закрыл глаза, вспоминая это удовольствие, и по моему телу пробежала

дрожь. Я почти убил женщину, которую любил. Думать об этом было невыносимо. Когда я снова открыл глаза, Жюстина невозмутимо смотрела на меня спокойным и понимающим взглядом.

— То, что ты хочешь, не делает тебя монстром, — сказала она очень мягким голосом. — Имеет значение только то, что ты делаешь.

Вместо того чтобы ответить ей я повернулся и закрыл дверь, потом поднял моё снаряжение. Не по-джентельменски оставлять оружие лежащим повсюду на полу. К тому же оно дисгармонировало с дизайном квартиры. Я смотрел на Жюстину краешком глаз — такую манящую, такую желанную в её элегантной одежде бизнес-леди, соответствующую статусу Лариного дорогого консультанта. Или доверенного курьера.

— Голод мне в глотку. — Прошипел я, голосом, звенящим от внезапно нахлынувшей злости.

Жюстина удивленно глянула на меня.

— Что случилось?

— Лара, — выпалил я. — Что она сказала тебе?

Жюстина нахмурившись, медленно покачала головой, глядя на меня словно пытаясь, почесть мои мысли по выражению лица.

— Она сказала провести с тобой брифинг и сообщить все, что тебе необходимо знать, — ответила она. — По каким-то причинам, ничего нельзя было записать. Я должна была все запомнить и сообщить это тебе, наедине, вместе с некоторыми фото. Здесь. — Она положила тонкую руку на чемоданчик, который лежал на кофейном столике.

Я пристально на неё посмотрел. Потом медленно опустился в одно из кресел, стоявших в холле моей квартиры. Оно не было удобным, зато было очень, очень дорогим.

— Мне необходимо, чтобы ты передала мне все, что она тебе сообщила, — сказал я. — Абсолютно каждое слово.

Жюстина хмуро посмотрела не меня.

— Почему?

Потому что знание определенных вещей, даже простое знание о них, может быть опасным. Жюстина предоставляла мне информацию о внутренних операциях Лары, которую я в свою очередь предоставлял Гарри, а через него и Белому Совету. Если Лара узнает об этом, то, чтобы отомстить мне может бросить Жюстину в пекло Войны Забвения. Если она сделает это, я буду готов убить свою сестру.

— Мне надо, чтобы ты доверяла мне, любимая, — произнес я тихо. — Но я не могу сказать тебе.

— Но почему ты не можешь мне ничего рассказать?

Настоящей занозой в заднице был этот вечный вопрос о Войне Забвения.

— Жюстина, — сказал я, протягивая руки. — Пожалуйста. Доверяй мне.

Жюстина прищурился глаза, настороженно размышляла, что заставило меня вернуться на некоторое время назад в прошлое. Это было не то выражение, которое я привык видеть на её лице.

Нет. Я привык видеть взгляд полный оцепеневшего удовлетворения после того, как я питался, или страстного желания, когда я подкрадывался к ней, или сокрушительного экстаза, когда я брал её...

Я закрыл глаза, глубоко вздохнул и снова запихнул демона в клетку.

— Мой бедный Томас, — прошептала она тихо, когда я открыл их снова. Она сидела за столиком напротив меня, её темные глаза были полны сочувствия. — Когда мы были вместе, я никогда не осознавала, как тяжело это было для тебя. Твой демон гораздо сильнее, чем у остальных. **Сильнее чем у всех**, кроме неё. Не так ли?

— Это имеет значение, только если я этого захочу, — ответил я более резко, чем хотел. — Что означает, что это не имеет значения. Расскажи, Жюстина. Пожалуйста.

Она сложила руки на груди, сильно прикусив губу.

— На самом деле почти нечего рассказать. Она велела сообщить тебе, что сообщение,

которое пришло к ней по обычным каналам, гласило, что Леди Темной Реки в городе. И что ты знаешь, что должен сделать в связи с этим. — Она открыла кейс и, достав из него полностраничное фото, протянула его мне через стол. Оно было зернистое, но достаточно большое, чтобы отчетливо различить изображение молодо выглядевшей крепкого сложения женщины, садившейся в такси в аэропорту О'Хара. Время, указанное на фото, гласило, что оно было сделано этим утром.

— Да, — произнес я тихо. — Я знаю её. Я думал, что она мертва.

— Лара сказала, что эта персона взяла ребенка, — продолжила Жюстина. — Конечно же, она не уточнила, как она узнала про это. Она передала тебе, что её цель помочь тому, кто принес ей много пользы.

Я почувствовал болезненное недомогание, когда Жюстина достала вторую фотографию и бросила её через стол.

На этот раз фотография была предельно простой. Холл. На двери, верхняя часть которой сделана из матового стекла, виднеется простая черная надпись: «Гарри Дрезден, чародей». Дверь была закрыта, но я смог разглядеть очертания женской фигуры, склонившейся возле высокой, худощавой фигуры мужчины.

Время на фото указывало, что оно было сделано два часа назад.

Так.

Зря я подозревал сестру. Лара все же пыталась оказать мне услугу. Она защищала Жюстину за ширмой общих правил. И пока я возбуждался от стрижки волос и ублажал мой Голод и мою паранойю, Стигийский Орден Сестер обвел моего брата вокруг пальца, чтобы вернуть обратно одну из их чудовищных матрон.

Жюстина никогда не была глупой. Даже когда она была полностью под моим влиянием, она держала свои глаза широко раскрытыми.

— У него проблемы, не так ли?

— И он пока про них даже не догадывается, — пробормотал я глухо.

Она, размышляя, чуть надула губы.

— И ты не можешь сказать ему, в чем дело, верно? Не больше чем ты можешь сказать мне.

Я беспомощно глянул на неё.

— Что ты собираешься сделать? — спросила она.

Я поднялся и вернул на место нож и пистолет.

— Он мой брат, — твердо произнес я. — Я собираюсь прикрыть ему спину.

— И как ты собираешься объяснить все это ему?

Я рывком натянул пару кожаных перчаток и повернулся к ней — теперь я мог взять её руки, пожать их нежно, прежде чем я уйду.

— Если он думает, что помогает ей, а ты вмешиваешься, он ничего не поймет, — озабоченно проговорила Жюстина. — Как ты собираешься объяснить это ему, Томас?

Как хреново быть Венатором.

— Я не собираюсь, — ответил я тихо.

Потом я и мой демон вышли, чтобы продолжить веками длящуюся скрытую войну и помочь моему брату.

И я надеялся, что эти две вещи не будут взаимоисключающими.

У Жюстины был шофер, который в ожидании её звонка накручивал круги вокруг квартала. Она позвонила. Я проводил её до лифта. Всю дорогу через холл мы держались за руки. Мы не разговаривали, тем не менее, когда приехал лифт, она улыбнулась мне и поцеловала мои пальцы через перчатку.

Потом она уехала.

Технически внутри меня всегда было огромное пустое место — чем, собственно говоря, и являлся Голод. Так что я сказал себе, что нет повода переживать, и вернулся в квартиру, чтобы приступить к работе.

Только для галочки, я попытался дозвониться до Гарри, прежде чем покинуть квартиру.

Домашний номер отозвался длинными гудками, а рабочий ответил голосом автоответчика. Я оставил сообщение, что мне надо срочно поговорить с ним, но было очень сомнительно, что он успеет получить его вовремя. Я поморщился, когда достал мобильный из кармана и положил его на кухонную столешницу. Не было никакого смысла таскать его с собой. Техника не очень хорошо чувствует себя рядом с магией. Чтобы гарантировано убить телефон не нужно даже разбрасываться заклинаниями, достаточно провести двадцать или тридцать минут в компании Гарри, когда у него плохое настроение.

Моих собственных зачаточных навыков искусства точно не хватит, чтобы представлять серьезную опасность для телефона, но как только я использую поисковое заклинание для того, чтобы найти брата то приём сигнала все равно будет дрянной.

Гарри может буквально петь соловьем, рассказывая о магии. Он может часами разглагольствовать и разглагольствовать о том, как магия исходит из чувств. О том, как она глубоко связана с самой сутью вашей души. А затем он подведет под все это какую-нибудь полубожественную и полубезумную философию, которую он топорно сколотит из комиксов и слов святых. И будет еще час рассуждать об ответственности обладающих Силой. Дайте ему только заговорить про это, и он будет трещать, и трещать не умолкая.

Для кого-нибудь на уровне Гарри это должно быть существенно. Для остальных же из нас все, что нужно знать про магию: это — искусство и опыт. Любой может изучить его в той или иной степени. Но очень мало людей могут быть действительно хороши в искусстве. Оно требует множества практики и терпения, оно заставляет вас уставать, оставляет вас с головной болью и мышечными спазмами, и у каждого будет свое собственное и единственно верное мнение, как лучше и правильнее заниматься магией.

Гарри мастер в этом искусстве, примерно на уровне объединенных докторских ступеней из МТИ, Гарварда, Йеля и Оксфорда. Для сравнения, — мне потребовалось шесть месяцев под его непосредственным руководством, чтобы изучить кое-какие полезные трюки, что означало, что я пропустил всю теорию и прочую чепуху и сразу же сконцентрировался на практике.

Это заняло у меня на несколько минут дольше, чем потребовалось бы брату. Чтобы создать связь с потрепанным близнецом-амулетом Гарри я использовал серебряный амулет-пентаграмму, который мне дала мама на мой пятый день рождения.

* * *

Ранняя весна в Чикаго отличается поистине сумасшедшим набором погоды. Эта весна была удивительно мягкой и к тому времени, когда я создал поисковое заклинание, чтобы найти младшего брата, день переходил в приятно освежающий вечер.

Я держал серебряный амулет в правой руке, на цепочке обмотанной вокруг пальца, так чтобы оставалось пять или шесть дюймов, на которых свисала пентаграмма. Кулон постоянно раскачивался вперед-назад в одном направлении, куда бы я ни поворачивался, как если бы направлялся маленьким гироскопом. Я заплатил небольшое состояние за парковку «Хаммера», надеясь, что деньги были потрачены с толком. Теперь я следовал за направляемым заклинанием, раскачивающимся кулоном через просторы Миллениум-парка.

Миллениум-парк один из немногих на самом деле милых и красивых парков в центре огромного города. Расположенные вокруг и прилегающие к нему здания выглядели как нечто вдохновленное живописью Эшера в период либерального химического экспериментирования студента второкурсника, но даже так в нем было какое-то сумасшедшее очарование. Даже не смотря на то, что практически наступила ночь, в парке царила жизнь. Роллердром оставался открытым до десяти каждую ночь, а если еще были желающие кататься — иногда даже позже. Дети и взрослые резвились повсюду. Прогуливались пары. Одетые в униформу полицейские патрулировали парк, чтобы быть уверенными, что добропорядочные граждане Чикаго защищены от хищников.

Я заметил одиноко идущего впереди меня Гарри. Он был на голову выше окружающих

его людей, ростом примерно как профессиональный игрок в баскетбол, и выглядел как сплошные неприятности в большом черном плаще. Он опустил голову и сосредоточенно следил за чем-то, что держал в руках, наверно его собственное поисковое заклинание. Я поспешил сократить расстояние до того, как он минует роллердром, чтобы начать сопровождать его.

И тут я понял, что меня преследуют уже около двадцати секунд.

Кем бы они ни были, Стигийка не сказала им, что они имеют дело с вампиром. Они держались по ветру. Я принялся. Шальной ветерок донес до меня запахи нескольких дюжин человек, которые были поблизости; зловоние нескольких мусорных корзин; ароматы нескольких торговцев сладостями, развозящих свои деликатесы на тележках, и резкую, специфическую вонь из смеси гниющего мяса и застарелого пота, плохо скрытую под несколькими слоями дезодоранта. Вурдалаки. Двое.

Это было нехорошо. Как и я, вурдалаки значительно превосходили людей. Они были дешевым пушечным мясом для сверхъестественного мира. Несомненно, Стигийка наняла их на тот случай, если в дело вмешаются Венаторы. С одним вурдалаком я могу справиться безо всяких проблем. Несмотря на то, что они на редкость сильные, быстрые и злобные и привыкли убивать, в них нет ничего, с чем я бы не разобрался. Но все же, когда их двое картина меняется. Это означает, что если у них достаточно много мозгов, чтобы держаться на расстоянии, они могут сделать весьма сложной, а то и невозможной задачу их уничтожения, не поднимая при этом лишнего шума, и не пострадав самому.

Честно говоря, спешащие головорезы обычно не отличаются высоким уровнем интеллекта, но сейчас было не очень подходящее время для того, чтобы делать скоропалительные предположения о противнике. Я ускорил шаг, пытаюсь догнать Гарри, при этом, притворяясь, что не замечаю вурдалаков. Гарри повернул в сторону и поспешил через парк прямо к Павильону. Это огромное здание, которое мне всегда казалось похожим на средневековый монгольский походный шатер. Гигантская шапка Аттилы, превращенная в здание, где регулярно проходили концерты для добропорядочных горожан Чикаго. Тем не менее, сегодня ночью Павильон был пустой и мрачный. Он должен был быть заперт и, наверно, так и было. Впрочем, замки никогда не были значительной помехой для моего брата.

Он подошел к двери, которая находилась со стороны сцены Павильона, и открыл ее, распахнув внутрь. Я поспешил за ним, выкрикивая его имя. Я был на расстоянии пятидесяти ярдов от него, но все же он меня не услышал.

Зато слышали вурдалаки. Один из них прорычал что-то другому и их шаги перешли в бег.

Я побежал быстрее. Я обскакал их в этом беге до двери, и мы с демоном захлопнули её с такой силой, что деформировали металлическую дверь, заблокировав вход.

— Гарри! — прокричал я. — Гарри, нам нужно поговорить!

Вурдалаки ударили в дверь и попробовали её открыть. Удача не улыбнулась им с первой попытки, но они начали дергать её, пытаясь выломать. Дверь была всего-навсего из железа. Она не задержит их надолго.

Внутренняя часть здания была пустой и практически неосвещенной, за исключением слабого зеленоватого сияния которое проходило через несколько комнат, тускло переливаясь, словно отражаясь от множества зеркальных поверхностей. У моего демона не было никаких трудностей со зрением даже при таком освещении, и я бесшумно пошел через холл, следуя за слабым источником света впереди.

Где-то сзади раздался визг разрываемого металла, вурдалакам все же удалось сорвать дверь с петель. Один из них рыча, ворвался внутрь. Высота и тембр его голоса менялись пока он сам менял форму, становясь менее похожим на человека и более опасным и приспособленным к погоне за добычей.

Я завернул за угол и побежал к высокой, освещенной зеленым сиянием фигуре в темном плаще, замершей в конце коридора. Спустя пару шагов я понял, что поисковое

заклинание, за которым я следовал, показывало вовсе не на этого человека.

Я выхватил из-под плаща «Дезерт Игл» и начал стрельбу. Фигура чуть пригнулась, подняла руку и, пули отскочив от нее, начали ricochetить от бетонных стен коридора. Магическая защита. Стигийка. Движение руки и сферический сгусток света вспыхнул передо мной. Я поднырнул под него, но пришедшее следом заклинание учло мое движение и обрушилось на меня.

Это была вспышка ослепляющего света и мгновение обжигающего жара. Мне показалось, что сейчас наступит агония, но это оказался всего лишь приступ сбивающего с ног головокружения. Я поднялся на ноги как раз к тому моменту, когда первый вурдалак, чьи руки удлинились примерно в половину и теперь заканчивались гротескными когтями, а лицо вытянулось в клыкастую, оскаленную морду, повернул за угол и бросился ко мне.

Я выхватил кукри. Это оружие хорошо служило гуркхам на протяжении нескольких веков, и не без основания. Изогнутое лезвие и размеры маленького меча. Достаточно сильные, профессионально нанесенные удары внутренней стороной меча, с потрясающим результатом отделяют головы и выступающие конечности от тел. Даже в руках более слабых и мелких смертных.

В руках же вампира эта штучка даже бармаглота заставила бы поволноваться. Первый вурдалак, который бежал с когтями наперевес, был быстрый, но недостаточно. Я повалил его на пол, перерезав сухожилия на ноге, и выстрелом из пистолета в спину перебил ему позвоночник, когда он попытался спастись бегством — один из немногих способов упокоить вурдалака быстро и надежно.

Спустя мгновение ко мне выскочил второй вурдалак и на четверть секунды замер в нерешительности, увидев, что осталось от первой твари. Этого времени было бы недостаточно для обычного человека, чтобы успеть, что-либо предпринять. Но если играть в моей лиге, то вурдалак с тем же успехом мог выстрелить себе в голову из дробовика. Результат был бы одинаковый.

Я метнул кукри, мой демон увеличил мою силу и точность, и нож раскроил вурдалачий череп как гнилой плод — второй способ упокоить их быстро.

Я вставил новую обойму в пистолет и взял на прицел дальний конец коридора, в котором показалась темная фигура, бледно освещенная мерцающим зеленоватым кристаллом, который она сжимала в левой руке. Темные волосы были отброшены назад, открывая абсолютно невыразительное, неподвижное лицо.

Стигийка.

— Балера, не так ли? — спросил я. В этот момент второй вурдалак, упав на спину, повалился на пол возле меня, рукоятка ножа торчала у него из лба. Содержимое его черепа было готово для просмотра, однако нога все еще судорожно подрагивала. — Или ты Джанера?

— Это имеет мало значения для нас, — ответила она. Её голос был пустой, безжизненный, лишенный эмоций. По сравнению с настоящим человеческим голосом он звучал так же, как электрические фортепиано 60х по сравнению с настоящим роялем.

— Ты не сможешь победить, Венатор. Лексикон Малоса будет возрожден. Уходи прочь немедленно. Оставь бой для другого дня.

Я наклонился, выдернул свой измазанный в крови нож из головы мертвого вурдалака и начал неторопливо, размеренно шагать к ней.

— Примерно то же самое мне говорили две другие участницы Стигийского Ордена Сестер, которых я встречал до этого. Так что, этот прием не работает.

Я начал планировать свой выстрел. Каждый умник, который может показывать фокусы со щитом, отбивающим пули, думает, что он супергерой. Но это требует сосредоточения и щит не закрывает во всех направлениях. Ricochеты от выстрела могут прыгать куда угодно вокруг щита, под щитом, над ним и к тому же, если она сфокусируется на пистолете, она может не понять, что я приготовил для неё нож, пока не станет слишком поздно.

За нею находилась хорошая, гладкая, полированная поверхность, должно быть крышка

калорифера, или щиток выключателей света, или что-то в этом роде. Сталь выглядела достаточно прочной, чтобы подходить под мои требования. Если я смогу попасть в него, то несколько фрагментов разлетевшейся вдребезги пули заденут Стигийку, что отвлечет её и даст мне шанс покончить с нею.

— Давай сделаем все проще, — предложил я ей. — Веди себя спокойно, мило улыбайся, и твои сестры смогут открыть похоронное бюро.

Её нижняя губа изогнулась, обнажив зубы. Гримаса выглядела так, словно что-то никогда не бывшее человеком пыталось улыбаться.

— Но, *твои*, — сказала она внезапно заурчавшим голосом, — никогда тебя не узнают.

Я сделал шаг вперед, приготовившись стрелять и, увидел в металле позади Стигийки мерцание своего собственного отражения.

Это не был я.

Мужчина, смотревший на меня, был не я.

Он выглядел старше. Грубое лицо, косматые с проседью волосы, переходящие на затылке в гриву. Его челюсти были незначительно расширены, а губы натянуты. Если бы я встретил такого типа на улице, я бы мгновенно опознал в нем вурдалака, который не может полностью скрыть свою настоящую суть под человеческой формой.

Я поднял левую руку с ножом и вурдалак сделал то же самое.

Стигийка подарила мне еще одну не-улыбку и исчезла за углом.

Это дало мне второе дыхание, и я бросился за ней. Мне необходимо было сконцентрироваться. Когда я повернул за угол, тяжелая дверь лязгнула замком, и мерцающие пылинки зеленоватых огоньков протанцевали на её поверхности, прежде чем оставить меня в абсолютной темноте. Меня нельзя отнести к элите, когда дело касается использования магии, но я знал, что лучше не ломиться через дверь, которую неизвестно чем запечатала Стигийка.

Я выругался как сапожник.

Это была расставленная ловушка, и я попал прямо в неё.

Есть разница между тем, как Гарри использует магию и я. Связь между нашими амулетами была достаточно сильна, чтобы его более искушенные чувства никогда не обманулись. Стигийка, вероятно, использовала какой-то изощренный маскирующий трюк, чтобы обмануть мое любительское заклинание поиска, а затем наложила иллюзию, чтобы выдать себя за моего высокорослого младшего брата. Она заманила меня в ловушку. Для чего? Для того чтобы что-то сделать со мной. Но зачем изменять моё лицо? Стигийские Сестры отнюдь не любители, когда дело касается опасной, даже не опасной, а смертельной магии. Для чего она сделала это? Вместо иллюзии она запросто могла бы запустить мне в кишки огненный шарик. Даже если бы мой демон был накормлен и находился в полном расцвете сил, я сомневаюсь, что смог бы пережить что-то вроде этого.

Сейчас, когда настоящий бой уже закончился, и я спокойно смог проанализировать ситуацию, я вдруг понял, как близко находился от края. Мои руки мелко задрожали, и я почувствовал страх. Если бы Стигийка захотела, то я был бы уже мертв. Осознавать это было пугающе и отрезвляюще. Гарри иногда обвиняет меня в опрометчивости и самоуверенности (что, поверьте мне, лицемерие поистине вселенских масштабов), но в этом случае он был бы, наверное, прав.

Мне пришлось потратить чертову уйму энергии на игры в догонялки, схватку и сгибание железа голыми руками. Я был голоден. Парк за пределами этого здания был просто переполнен счастливыми, ничего не замечающими телками. Было бы так легко отбить одну от стада, какую-нибудь милую маленькую самочку, и...

Мне нужно сосредоточиться и сконцентрироваться. Я работаю без страховки. Еще одна тупая ошибка может погубить меня. «Ну, давай же, соберись, Томас» — прорычал я себе: «Заставь свою голову работать».

Здание почти полностью погрузилось во тьму, но мой демон позволял мне видеть все достаточно четко. Вурдалаки уже начали разлагаться. Пройдет пару часов и от них останется только кучка вонючего, грязного месива. Я не волновался о том, что звуки выстрелов могли

услышать на улице — мы были достаточно глубоко в здании — однако копы патрулировавшие парк рано или поздно заметят дверь, сорванную вурдалаками. Мне нужно было уходить.

Найдя запасной выход, я поспешил к внедорожнику. Я больше не доверял своему поисковому заклинанию, что означало, что мне нужен другой способ для поиска Гарри. Если бы я знал, хоть примерно, в какую сторону он направляется, я мог бы обратиться к Кэррин Мерфи из Чикагского Департамента Полиции. Она, наверняка, смогла бы найти, кого-нибудь кто видел его машину.

Но даже если я найду его, в облике незнакомца называющего себя его братом, мне будет чертовски сложно убедить его оставить дело. Я решил начать с самого важного. Мне просто необходимо найти его или ничего из перечисленного не будет иметь значения.

И я знаю кое-кого, кто может помочь.

* * *

Гарри — один из лучших чародеев на планете — живет в полуподвале.

Деревянный дом, в котором проживает мой маленький братишка, выглядит немного потрепанным, но просторным. Я подозреваю, что квартплата здесь очень низкая. Его полуподвальная квартира крошечная, зато соседи пожилые и тихие. Ему, кажется, нравится это. Я знаю его много лет и все-таки никак не могу поверить, что он до сих пор тут живет.

Честно говоря, я думаю, что у него до сих пор не возникало больших проблем с этим домом, потому что его враги тоже не могут заставить себя в это поверить. Наверняка, они считают, что это приманка, сооруженная им с единственной целью дать им какой-нибудь очевидный объект для атак. Смертельно место, куда он сможет их завлечь, чтобы уничтожить. Ну и конечно тем, кто рискнул сунуться, не очень понравился прием, который они получили. Защитные обереги вокруг дома брата могут поджарить до состояния углей целое стадо буйволов.

Чтобы попасть вовнутрь я отключил щиты при помощи амулета, который он мне дал, и использовал ключ от замка на двери, который оставался у меня еще с тех пор, как мы жили вместе. Его квартира была, как всегда, безупречно чиста — он превратился в наркомана чистоты несколько лет назад, но никогда не рассказывал причину этого своего чудачества.

Огромный, лохматый серый пес, две сотни фунтов мускул и меха, а так же белых острых клыков, показался из маленькой, оборудованной в нише кухни, и зарычал на меня.

— Вау, — воскликнул я, поднимая руки. — Мыш, это я. Томас.

Рычание Мыша внезапно стихло. Он принялся, пару раз фыркнув при этом. Его уши дернулись назад — вперед и он изучающее посмотрел на меня, склонив голову на один, а потом и на другой бок.

— Кое-кто наложил на меня иллюзию, — объяснил я. Гарри рассказывал мне, что эта собака особенная и может понимать человеческую речь. Я все еще не был уверен, что он не разыгрывал меня в тот момент. У него странное чувство юмора, иногда. Но говорить спокойно с животными, когда они нервничают, это всегда хорошая идея. Я ведь не хотел, чтобы Мыш решил, будто я представляю угрозу. Он был потомком собаки Фу и я видел, как он делал вещи, которые не одно смертное животное не в силах пережить, даже в гораздо меньшем объеме.

— Послушай, мальчик, я думаю, что Гарри в беде. Мне нужно поговорить с Черепом.

Мыш подошел ко мне и тщательно обнюхал. Затем, издав пыхтящий звук, схватил зубами один из разбросанных по квартире ковров и оттянул его в сторону, обнажив крышку люка, ведущую в подвал.

Я подошел к нему и почесал за ушами.

— Спасибо, парень.

Мыш довольно повилял мне хвостом.

Складная лестница-стремянка вела вниз в *ла-бо-ра-то-ри-ю* моего брата, которую я

всегда произношу по слогам — просто чтобы подразнить его. Я разложил её и начал спускаться вниз, остановившись, как только увидел все помещение.

Вам никогда не хотелось побродить по лаборатории чародея? Так вот — это плохая идея.

Все пространство было завалено, только бог знает какими ужасающими ингредиентами. Редкое, дорогое и абсолютно глупое барахло. На одной из полок стояла свинцовая коробка, в которой он хранил пыль обедненного урана, (даже думать не хочу зачем); в центре комнаты на столе, выполненная до мельчайших подробностей, находилась масштабная восьмифутовая модель города, с чикагскими небоскребами в центре. Все это скрупулезно детализировано, включая модели деревьев, которые выглядели как настоящие, и разрушенное здание в центре города.

Это было немного пугающе, честно. У моего брата была кукла Вуду, представляющая собой целый город.

Еще у него был человеческий череп, который стоял на своей собственной, отдельной деревянной полке, между парой подсвечников, в которых сгорело так много свечей, что они стали напоминать маленькие, цветные восковые вулканы. Рядом с ними, сложенные с обеих сторон от черепа, громоздились романы в мягком переплете, и одинокий старый выпуск Плейбоя 70-х годов, с Бо Дерек на обложке, одетой лишь в длинные полосы ярко-алых ленточек.

— Эй, — позвал я. — Череп. Боб, не так ли? — Череп не шелохнулся.

Я могу почувствовать себя по настоящему тупым, если окажется, что Гарри дурачил меня черепом все это время. Мой брат чревоушатель....

— Эй, — повторил я. — Череп. Послушай, это я, Томас. Я знаю, что я не похож на Томаса, но это я. У Гарри большие проблемы и мне нужна твоя помощь, чтобы вытянуть его оттуда.

В одной из глазниц черепа появился крошечный мерцающий огонек. Потом огонек стал ярче и к нему присоединился еще один, в другой глазнице. Череп подпрыгнул на полке, немного повернувшись ко мне, и воскликнул:

— Святой Грязелиций,² Бэтмен! Что с тобой случилось?

Я на секунду прикусил нижнюю губу, размышляя, что сказать черепу. Я знал, что Боб был для Гарри лабораторным ассистентом и техническим советником в волшебных делах, что он был чем-то вроде духа, который обитал в черепе, и никогда не был смертным по происхождению. В то же время, Боб был обязан подчиняться Гарри, и все что знал Боб... Теоретически Гарри мог знать тоже.

— Я не могу много рассказать тебе, — подумав, произнес я. — Новый клиент Гарри не та, за кого она себя выдает. Я пытался предупредить его. Она обманом заставила меня следовать за ней и сделала это с моим лицом. Я думаю, что она сделала это, чтобы мне было сложнее предупредить Гарри об опасности.

— Ха, — сказал Боб. — И чего же ты хочешь от меня?

— Помоги мне убрать эту дрянь с лица. Потом помоги мне найти Гарри, чтобы я смог вытянуть его из этого дела прежде, чем он пострадает.

Боб пренебрежительно фыркнул.

— Ну да, разбежался.

Я нахмурил брови.

— Что? Ты думаешь, я обманываю тебя?

— Послушай, Томас, — сказал череп снисходительным тоном. — Я осведомлен, что ты весь такой крутой. Ты стильный, красивый, ты имеешь всех этих девочек, ты посылаешь голую цыпочку в квартиру Гарри, украшенную только упаковочной красной лентой. Все это меня всегда восхищало в людях, но... хм. Ты все равно остаешься вампиром. Из дома

² Грязелиций, персонаж из комиксов про Бэтмена, отличался тем, что мог менять свое тело, только подумав об этом.

вампиров известных тем, что их любимое занятие это промывка мозгов и манипуляция сознанием, не меньше.

Я до скрипа сжал зубы.

— Ты думаешь, кто-то контролирует меня сейчас?

— Я думаю что, образно говоря, у тебя нет секретов от своего брата, дружище, — заявил Боб, зевая. — И к тому же, если Гарри вцепился в дело, то он не отцепится. Он как клещ, только его голову не так легко оторвать, поэтому всегда есть немаленький шанс подцепить инфекцию.

— Это очень важно, Боб, — тихо произнес я.

— Это все из-за поиска пропавшего ребенка, — сказал Боб. — Или по крайней мере это так выглядит для Гарри. Я бы предположил, что он занимается этим, чтобы позволить матери найденного ребенка отблагодарить себя, запрыгнув к нему в постель, но очевидно, скорее всего, это одна из этих моральных штучек. Похитить ребенка, это как нажать экстренную кнопку «борьба-добра-против-зла» в его голове.

Вот что Лара подразумевала, когда говорила, что Стигийка взяла ребенка. Срань Господня. Теперь я понял весь план Стигийских Сестер.

И если я не остановлю их, не остановлю Гарри, то Война Забвения будет проиграна этой ночью.

— Проклятье, — прорычал я. — Боб, мне нужна помощь. Мне необходимо чтобы ты помог мне.

— Извини шеф, — сказал Боб. — На тебя не работаю. Гарри рассказывал мне другую, совсем другую историю.

— Но он в беде, — повторил я.

— Это ты так говоришь. Но ты не сообщаем мне ни одной детали, что заставляет все это звучать весьма подозрительно.

— Потому что, если я сообщу тебе подробности, и их узнает Гарри, у него будут еще большие проблемы, чем сейчас.

Боб смотрел на меня около секунды. Затем изрек:

— Сим я повышаю тебя от звания макрели до тунца.

— Ладно, — сказал я, размышляя. Боб был духом. Созданием, которое обязано подчиняться словам и обещаниям, которые они дают смертным. — Хорошо, слушай. Ты служишь Гарри, верно?

— Аха.

— Если я дам тебе эту информацию, — медленно произнес я, — и если по твоему решению, владение этой информацией сможет нанести ущерб его здоровью, я хочу, чтобы ты поклялся мне, что сохранишь в тайне от него и от любого, кто спросит, все что я тебе расскажу.

— Хорошо, — согласился Боб, произнося это слово с огромным скептицизмом.

— Если ты сделаешь это, — сказал я, — я расскажу тебе. Если ты откажешься, то я ничего не скажу. И случится много очень плохих вещей.

Глазные огоньки черепа буквально заискрились от любопытства.

— Сдаюсь. Я съел приманку. У тебя есть обещание. Я даю тебе обещание, вампир.

Я глубоко вздохнул и нервно огляделся вокруг. Если другой Венатор узнает, что я сделал, они пустят мне пулю в лоб, не раздумывая.

— Ты слышал когда-нибудь про Войну Забвения?

— Нет, — быстро выпалил череп.

— На это есть причина, — кивнул я. — Потому что эта война изъята из памяти рода человеческого.

— Гм, — выдал Боб. — Что?

Я вздохнул и задумчиво провел рукой, одетой в перчатку, по волосам.

— Слушай. Ты знаешь, что по большей части старые боги с веками становились все менее могущественные, они изменялись согласно убеждениям людей, которые в них верили.

— Конечно, — вставил Боб, подмигивая. — Сейчас же нет Первой Церкви Мардука. Но картинка Темной Леди Тиамат есть в «Пособии по Монстрам», и даже есть короткая статья про неё, так что она в чуть лучшем положении.

— Хм, ладно, — сказал я. — Я не совсем уверен, что точно понял, о чем ты говоришь, но, образно говоря, ты прав. Существа, такие как Тиамат, нуждаются, чтобы смертные на протяжении веков верили в них для создания Связи с миром смертных.

Глаза-огоньки засияли.

— Ага! — воскликнул череп. — Я понял! Если не останется никого, кто бы помнил, что кто-то был богом, то у него не останется связи! И он не сможет воплотиться в мире смертных.

— Правильно, — подтвердил я спокойно. — И мы говорим не только про языческих богов. Мы говорим о существах, для которых у людей сегодня просто нет имен, нет достаточно подходящей концепции. О демонах, таких прожорливых и яростных, что в свое время смертные уцелели лишь в нескольких частях мира, и то, только благодаря помощи некоторых из ранних богов. Демоны, которые без сомнения должны быть остановлены навсегда.

— Ты не можешь уничтожить первоначальную духовную сущность, — заметил погруженный в раздумья Боб. — Даже если ты изгонишь его, со временем он сможет возродиться.

— Но ты можешь забыть их, — парировал я. — Выбросить их прочь. Оставить их навсегда потерянными — вне мира смертных. Не давая им возможности навредить. Ты можешь отправить их в забвение.

Боб издал свистящий звук. Какого черта? Как? У него ведь даже нет губ.

— Жестко, — признал Боб. — Я имею в виду, сражаться на войне, как эта... чем больше людей ты бросишь в бой на своей стороне, тем больше будет владеющих информацией, тем сложнее будет справиться с этими демонами. Так что вам надо постоянно контролировать знающих. И максимально жестко ограничивать круг посвященных. Это трудно.

— Очень, — согласился я. — Я знаю, что во всем мире, примерно, около двух сотен Венатори. Но мы организованы в ячейки. Каждый знает только одного другого Венатора.

— Венатори? — переспросил Боб. — Но ведь в мире около пяти тысяч этих старых высушенных простофилей. Они помогают Совету сражаться на войне, помнишь?

Я протестующее махнул рукой.

— Это Венатори Умброрум.

— Ага, — сказал Боб. — Охотники Теней.

— Это один из переводов их имени. И это тот, который они считают верным. Но было бы более точно называть их Тенями Охотников. Они этого не знают, но это мы создали их. Дали им их арсенал знаний. Используем их для сбора и анализа информации, чтобы быть в курсе всех событий. Они же и маскировка, ширма за которой нашим врагам сложнее нас отыскать.

— Врагам... верно, — Боб блеснул огоньками. — Войны ведут две стороны.

Я кивнув.

— Или больше. Есть множество... людей... заинтересованных в старых демонах. Они гораздо слабее по сравнению с тем, какими были раньше, но все еще сильны и жаждут власти. Культы, жрецы, секты, отдельные сумасшедшие фанатики. Они стараются пустить демонов в этот мир. Мы пытаемся остановить их. — Я покачал головой. — Война Забвения длится уже более пяти тысяч лет. Иногда десятилетия проходят без единой битвы. Иногда все вокруг словно сходит с ума.

— И скольким демонам вы обрезали путь в мир смертных? — спросил заинтригованно Боб. Затем он радостно прошептал, — Ой, я догадываюсь, ты не знаешь, не так ли? Если вы уделываете их, то даже не помните об этом.

— Точно, — кивнул я.

— Неблагодарная работа сражаться на такой войне.

— И ты говоришь об этом мне? — возмутился я. — Это секретная информация, Боб. Простое знание про этих существ, вызывает, так сказать, резонансный отклик в мозгу. Они могут увидеть того, кто знает о них. Если Гарри узнает о войне, и кто-то с другой стороны поймет, что он знает...

— Плохие парни предположат, что он Венатор или соперник, и убьют его, — сказал Боб ставшим внезапно серьезным голосом. — А Венатори предположат, что он представляет опасность, как крепкий орешек. И у них будет только два варианта: они или убьют его, как представляющего угрозу для режима секретности, или заставят присоединиться к их армии. А он уже сражается на одной войне.

— Именно, — кивнул я.

— Гм, — пробормотал Боб. — Просто интересно, почему они не захотят проделать тоже со мной?

— Ты не смертный, — ответил я спокойно. — Твои знания не привязывают ничего к этому миру.

Череп умудрился каким-то образом выглядеть убежденным.

— Это правда. Расскажи мне про клиента, который с моим боссом.

— Ты знаешь про общество Собирателей Невозможного? — Спросил я.

— Кучка психов в Прибалтике, — ответил Боб незамедлительно. — Они оттяпывают отдельные конечности и просто кусочки тел и вместо них приживляют взятые от нечеловеческих существ. Демонов, вурдалаков и так далее. Этакая мозаика из бессмертных.

Я кивнул.

— Стигийские Сестры делают то же самое только не с физическими телами, а с собственными душами. Они отламывают ненужные им кусочки от человеческой личности и заменяют их частями, взятыми от нечеловеческих созданий.

— Весело, — выпалил Боб возбужденно. — Женский клуб, угу? Они горяченькие?

— Это в целом выгодно, — согласился я. — Так что, большая часть — да. Они обслуживают и поклоняются старым богиням — демонам, которых стараются призвать в наш мир через публикацию книги ритуалов, которая называется Лексикон Малос.

— Такс, — сказал череп. — Горячая цыпочка пришла к Гарри в офис. Он пустил слюну на её обувь и, ведя себя как идиот даже не расспросил ее, что точно произошло. И не предложил ей совершить сразу безнравственный поступок прямо на месте.

— Нуу, — сказал я. — Я не уверен, если...

— Будучи тупым героем, после её душещипательного рассказа он говорит ей не волноваться, что он найдет очевидную для всех, кроме него, приманку — я подразумеваю, пропавшего ребенка. Только когда он найдет ребенка, он так же найдет эту книгу с ритуалами.

— И будучи верным Стражем Белого Совета... — продолжил я.

Боб пренебрежительно фыркнул.

— Он передаст им книгу с опаснейшими ритуалами, которые сможет использовать любой неуч. И Совет сделает то же самое, что они проделали с «Некрономикон», чтобы обезвредить его.

Я кивнул.

— Они опубликуют ее, потому что они уверены, что ритуал утратит силу, если каждый придурок захочет попробовать его. Сила, которую они, якобы, смогут призвать распылится на множество частей и никому не сможет повредить.

— Но настоящая опасность — это вовсе не ритуал, — сверкнул глазами Боб. — Но знания, которые скрываются за ним.

— И тогда мы никогда не избавимся от них так же, как никогда не сможем избавиться от фейри.

Боб внезапно очень заинтересовался.

— Вы пытались избавиться от фейри?

— Венатори пытались, было дело, — пожал я плечами. — Но Джи-мен пустил насмарку все наши начинания.

— Джи-мен? Человек правительства? Федерал? — подпрыгнул Боб. — Как Люди в Черном?

— Как Гутенберг и Гримм, — ответил я.

Боб на мгновение притушил глазные огоньки, очевидно размышляя.

— Эта Стигийская киска... она расставила на тебя ловушку. Она знала кто ты, и что ты делаешь.

— Я уже скрещивал мечи с Сестринством раньше. Они знают меня. — Я покачал головой. — У меня нет ни малейшей идеи, почему она изменила моё лицо, вместо того, чтобы убить меня, когда у нее была такая возможность.

— Потому что Дрезден почувствовал бы это, — сразу сказал Боб.

— А?

— Убивать кого-то с помощью магии? Это оставляет аромат и ни один дезодорант на земле не сможет скрыть его полностью после убийства. Если Гарри подберется достаточно близко, чтобы почувствовать дуновение черной магии, у неё не останется ни единого шанса притворяться невинной овечкой.

— Она могла бы сказать ему, что практикует магию.

— Тогда он действительно коснется её, — сказал Боб. — И если она психически значительно отличается от нормального человека это будет чувствоваться на её ауре. Кроме того, ощущение небольшого покалывания волшебного потенциала в клиенте, это абсолютно не то же самое, чем понимание, что она состоит из сверхъестественных огрызков, забрызганных магической кровью.

— Я понял. Вместо этого она изменила моё лицо.

— Фактически, она не изменяла его, — сказал череп. — Это иллюзия. Под ней ты остаешься собой. Чрезвычайно интересный вопрос в том, почему она сделала то, что она сделала.

Я недовольно нахмурился.

— Чтобы избавиться от меня, — сказал я, напряженно размышляя. У меня не заняло много времени, чтобы понять, что задумала Стигийка, и я расстроено сжал зубы.

— Голод мне в глотку. Она сказала Гарри, что в деле замешан злодей. Она показала ему фото негодяя, который забрал бедного ребенка. — Я показал на свое лицо. — И я выгляжу, как он.

— Проклятье! — Воскликнул Боб, с изумление в голосе. — Это подло. Гарри чертовски быстро выхватывает револьвер в эти дни. Если ты покажешься ему, то он может даже не дать тебе шанса все объяснить.

Я вздохнул.

— Была бы это самая большая проблема сегодня. Так ты собираешься, помочь мне или нет?

— Ответь мне еще на один вопрос, — сказал череп спокойным голосом.

— Хорошо.

— Почему? — спросил он. — Почему вампиры замешаны в этом? Почему те, кто питается людьми, заинтересованы в спасении человечества от оголодавших богов-демонов?

Я презрительно расхохотался.

— Ты хочешь, чтобы я сказал тебе, что глубоко внутри нашего сердца мы хотим быть героями? Или что наши души вопят о человечности, чувстве вины, искуплении? — Я покачал головой и улыбнулся ему, оскалив зубы. — На самом деле? Нам просто не нравится конкуренция.

— Откровенно, — сказал Боб, поворачивая глаза-огоньки. — Это мотив, который я могу понять. Хорошо.

— Хорошо?

Череп повернулся на полке, лицом к столу.

— Я могу показать тебе, как найти Гарри. Но сперва мы поправим твоё лицо. Подойти поближе, дай мне лучше рассмотреть тебя.

Мнемоническая молния вспыхнула и ударила меня по голове, и я почувствовал, что улыбаюсь.

— Нет, — сказал я.

Череп немного наклонился на один бок, наблюдая за мной.

— Нет?

— Нет, у меня есть лучшая идея.

Боб попытался объяснить мне, почему то заклинание, которое он показывает мне, будет работать, когда мое собственное подвело меня, но после пяти секунд технических подробностей я начал бормотать «бла-бла-бла» на все, что он говорил.

Я не чародей, уяснили? Максимум — пародия на подмастерье. Я не забочусь, почему это работает, пока это работает.

* * *

Стигийка продолжила свою маленькую шараду на товарном складе в Хаммонде. Когда я настиг брата, они наблюдали за местностью, притаившись в тени аллеи, пересекающей улицу перед складом. Стигийка играла роль испуганной, нервной женщины, озабоченной только тем, чтобы безопасно вернуть домой своего отпрыска. Она была очень хорошей актрисой, даже чересчур хорошей, для того, в ком так мало от человека. Ей возраст, должно быть, исчислялся несколькими столетиями. У неё было время, чтобы попрактиковаться.

Я поднялся на крышу расположенного рядом со складом здания, так что я тоже мог осмотреть местность. Я заметил несколько вурдалаков, одетых в униформу частной охранной фирмы, которые охраняли вход. Они проводили регулярные обходы вокруг склада по внутреннему и внешнему периметру, не слишком озадачиваясь тем, чтобы еще поглядывать на крышу, на которой я находился. Это был пятиэтажный дом, без пожарных лестниц — только голые кирпичи, по которым я и забрался. С чего бы им смотреть на неё?

Я приблизился к дальнему концу склада, где Гарри и Стигийка не могли меня заметить, подождал, пока патрулирующие вурдалаки не скроются из поля зрения, и затем перепрыгнул расстояние в сорок футов, или около того, между моей крышей и крышей склада. Я приземлился с перекатом, практически в полной тишине и надолго замер, выжидая, на тот случай если кто-то меня заметил и поднимет тревогу.

Никто не поднял. Меня не заметили.

Я уселся удобнее и стал ждать.

Гарри сделал свой ход между тремя и четырьмя часами утра. В то время когда в округе наименьшее число свидетелей и невинных прохожих, а охранники уже уставшие и расслабленные от уверенности что этой ночью ничего не произойдет. Где-то впереди перед складом прозвучал его звучный баритон, распеваящий одно из этих используемых им заклинаний, на языке, претендовавшем на латынь. Затем была вспышка света, рокот грома и звук столкновения чего-то, вмявшегося в металлическую стену склада с силой пушечного ядра.

Один вурдалак готов. Мой брат ненавидит этих существ с такой сильной страстью, что её практически можно назвать святой. Если его первая атака не убила эту тварь, то он обязательно прикончит её чуть позже. Я услышал, как другие вурдалаки завывали, начав трансформироваться.

Пока всё внимание было привлечено атакой через центральный вход, я проник в помещение через осветительный люк.

Склад был завален кипами годами накапливающейся рухляди, состоящей в основном из остатков корабельных снастей, штабелей грузовых поддонов и сломанных ящиков. Пространство в центре пола было расчищено, и бетон был обильно расписан оккультными символами, нарисованными кровью вокруг стола, который явно намеревались использовать

как алтарь. Ребенок — маленький мальчик, лет девяти — лежал на столешнице с привязанными руками и ногами. Его лицо покрылось пятнами от слез. Он пронзительно кричал и дергал веревки, но был крепко привязан к столу.

Гарри снова закричал. Стекла обоих окон в передней части склада буквально взорвались внутрь со вспышкой ярко-алого света. Каким-то образом это выглядело так, словно большие руки прокладывали себе свободный проход.

Я продолжал оглядываться вокруг до тех пор, пока не заметил её — Лексикон Малос, книгу в кожаном переплете, похожую на большой старый рукописный журнал. Она выглядела, как впечатляющий оккультный гримуа, за который Стигийки и хотели его выдать. Лексикон был водружен на маленький пьедестал воле стола. Не хватало только мигающей неоновой вывески с надписью «ЗАМЕТЬ МЕНЯ», но все было очень близко к этому.

Перебирая руками по стальным стропилам, до тех пор, пока не подобрался к балке, которая шла вдоль стены, я соскользнул на пол и поспешил к алтарю и пьедесталу. Рывком раскрыл нейлоновый рюкзак, запихнул в него Лексикон Малоса, застегнул и закинул рюкзак на плечи.

Я мог бы уже литься оттуда. И это было бы умным поступком. Раз книга была исключена из уравнения, то сорвалась вся стигийская операция. Конечно, она и остальные участницы Сестринства могут попробовать провернуть это где-то еще, но на какое-то время они были остановлены.

Но эта сучка впутала в наши разборки моего брата.

«На какое-то время» было явно недостаточно. Гарри уже прорвался через главный вход склада, следом за ним шла одетая в темное Стигийка, дрожащая и притворяющаяся напуганной. Каким-то образом мужественно выглядевший Гарри — высокий, худощавый, с заостренными чертами лица, был одет в его обычный чародейский прикид — черный кожаный плащ. Он держал резной посох в левой руке, а более короткий, покрытый еще более изощренной резьбой жезл, в правой. Кончик жезла сиял сердитым красно-оранжевым пламенем.

Я их ждал, накинув на плечи темно-красное шерстяное одеяло и обернув его вокруг тела, как какой-то драматический церемониальный наряд. Я стоял возле ребенка, сжимая в руке нож, который лежал возле алтаря (и который выглядел абсолютно дурацки), с головой запрокинутой вверх и насмешливой улыбкой на прикрытом иллюзией лице.

— Таак! — пророкотал я низким голосом. — Ты поверг моих миньонов!

— Ты, должно быть, шутишь, — воскликнул мой брат, глядя на меня с выражением, застывшим где-то между потрясением и чистым презрением. — Я имею в виду... Господи, посмотри на это место! Я видел средние школы, в которых показывали представления намного лучше, чем это.

— Тишина! — прокричал я, направляя на него нож. Во всяком случае, смотрел я только на Стигийку. Она уставилась на меня взглядом, полным истинного изумления. Ах! Это послужит тебе уроком, милая. Ты не должна делать ставку на воображаемых злодеев до тех пор, пока не уверишься, что они не станут реальностью. — Кто посмел прервать мо...

— Да... знаешь что? — спросил Гарри. — Forzare!

Его посох дернулся вперед и невидимый грузовик ударил меня со скоростью тридцати миль в час.

Я пролетел назад около тридцати футов и ударился в штабель сложенных поддонов.

Я прошел сквозь них.

Это больно.

Я ударился о стену за ними.

И не прошел сквозь неё.

Это было еще больнее.

Я приземлился оглушенный и, шатаясь из стороны в сторону, с помощью моего демона поднялся на ноги. «Никаких проблем» — сказал я себе. Я в любом случае планировал

отступать в этом направлении. Просто мне казалось, что это будет не так ... энергично.

Распределительный щит здания был на стене в двух футах левее меня. Я дотянулся до него и отключил свет.

— На пол! — прокричал Гарри женщине. Он думал, что он ее защищает. — Замрите на месте!

Мы с демоном видели в темноте практически безупречно. Стигийка отличалась тем же. Она достала откуда-то кинжал с волнистым лезвием и бесшумно побежала ко мне. Её глаза сузились и были полны решимости.

Когда она была в десяти футах от меня, я метнул в нее бутафорский нож, который все еще сжимал в руке. Стигийка скользнула в сторону и он, прорезав воздух, выбил искры из дальней стены склада. Ее кинжал задел меня, но я ударил её кромкой ладони по предплечью, выбивая его, прежде чем она смогла сделать больше, чем просто оцарапать меня. Я отделался легким порезом, оттолкнул её на шаг, достал кукри из-под красного одеяла и рубанул её по голове. Я промазал, но резко провел другой рукой как расческой по ее волосам и, ткнув ей расставленной пятерней в глаза, отскочил в сторону, быстро перехватив нож.

Тем временем на заднем плане Гарри решил все согласно своим приоритетам. При тусклом свете амулета он освободил ребенка с самопального алтаря. Я почувствовал, как мои губы растянулись в свирепом оскале.

— Столь самодовольный, — прошипела Стигийка, её глаза рептилии мерцали. — Но ненадолго. — Она повысила свой голос до перепуганного крика. — Пусти меня! Не прикасайся ко мне!

Гарри, держа ребенка пожарной хваткой через плечо, развернулся на звук, поднял жезл и поспешил к нам.

— Беги, Венатор. Но Кровь Древней Матери уже в твоих венах. Наслаждайся твоими последними часами.

Порез на моей руке, маленькая царапина оставленная кинжалом Стигийки, внезапно откликнулась пронизывающим холодом.

Книга не попала Гарри в руки. Ребенок был спасен. Я убежал из здания.

* * *

Рана была отравлена.

Без моего демона, я не думаю, что продержался бы больше часа. Даже с его поддержкой, было очень трудно оставаться спокойным. Боль была ужасной, и мое бедное тело покрывалось липким, горячим потом, при этом я весь дрожал от холода. Голод обычно может побороть любой вид постороннего вещества, но для того чтобы мой демон был сильным, он должен быть хорошо накормлен, а я активно использовал его всю ночь. У нас осталось мало сил, чтобы бороться с ядом.

Это было трудно, но я продержался три часа.

Столько времени мне потребовалось на то чтобы отыскать Стигийку и застать её одну.

Взмах моего кукри промахнулся мимо её головы, но не мимо волос, которые росли на ней. И пока мои пальцы не нашли её глаз мгновение спустя, они цепко подхватили эти волосы из воздуха, прежде чем они упали. Поисковое заклинание, которому обучил меня Череп, было достаточно сильным, чтобы позволить мне найти Стигийку, невзирая на те контрмеры, которые она могла принять.

Когда она зашла в номер отеля, я следовал за ней по пятам. Она так и не знала, что я был рядом, до тех пор, пока мои губы не прикоснулись сзади к её шее, и я спустил на неё свой Голод.

Она внезапно начала дышать с трудом, когда мой демон так долго умирающий от голода бросился в её плоть. Конечно, она могла обладать памятью и мыслями дюжины чужих жизней, но у нее была смертная жизненная сила и смертное тело. Женское тело. И, как я сказал Бобу, вполне привлекательное.

Она пыталась сопротивляться пять или шесть секунд, пока её нервная система поддавалась моему Голоду, пока первый оргазм не вырвался из её горла стоном экстаза, жажды и безнадежности.

— Шшшш, — прошептал я ей, нежно прикусывая зубами мочку её уха, пока мои руки ласкали ее тело. — Это не будет больно. Я обещаю.

Она снова вскрикнула в отчаянии, когда её тело начало двигаться, беспомощно уступая желанию, похоти и страсти и мое собственное сдерживание сверкнуло и исчезло, и я отдался примитивной, болезненной жажде Голода.

Я провожу большую часть моей жизни, сражаясь со своей темной половиной.

Большую часть.

Но не всю.

Я повалил Стигийку на пол и скормил её демону.

Лара поможет мне избавиться от тела.

Длительного душа и очистительной силы восходящего солнца было достаточно, чтобы смыть прочь иллюзию, которая скрывала мое лицо.

На следующий день я навестил брата в его офисе.

— Как бизнес? — спросил я его.

Он покачал головой, бросив на меня хмурый взгляд.

— Знаешь что? Я проделал так много работы для Совета и для Стражей, что должно быть, забыл каково это быть частным детективом.

— Почему это?

— Ну, я пришел к этому невеселому выводу вчера после встречи с одним плохим парнем, — сказал он. — Киднепер. Блин, тебе надо было видеть этого неудачника. Он был клоуном.

— Ха! — хмыкнул я.

— И каким-то образом он умудрился удрать от меня. — Гарри покачал головой. — Я имею в виду, я вернул ребенка, но этот маленький ублюдок удрал от меня.

— Может, ты просто становишься старым?

Он сердито глянул на меня.

— Но самое худшее то, что цыпочка, которая наняла меня, даже не была его матерью. Она играла со мной все время. Ребенок пропал три дня назад, и настоящие родители пытались заставить копов с какого-то перепугу арестовать меня. После того, как я показал им долбаный жертвенный алтарь.... Ну хорошо — убогий, тупой жертвенный алтарь, но жертвенный алтарь, прежде всего.

— Какая еще цыпочка?

— Кто знает, — сказал Гарри раздраженно. — Она исчезла. И опять мне не повезло. Я попробовал получить плату у родителей за расследование и спасение. Больше шансов избрать президентом либертарианца.³

— Риск независимых бизнесменов, — улыбнулся я. — Ты голоден?

— Ты платишь?

— Я плачу.

Он поднялся.

— Я голоден, — он накинул свой плащ и пошел со мной к двери, покачивая головой. — Я говорил тебе, Томас? Иногда я чувствую себя практически неполноценным.

— Вау, — сказал я. — И на что это похоже?

³ Либертарианизм — радикальное направление в либерализме; социально-политическая доктрина, утверждающая безусловный примат прав и свобод индивида, отрицающая легитимность какого-л. вмешательства государства и социальных институтов, напр., религии, традиций и т. п., в личную жизнь человека; сторонники либертарианизма выступают за свободное развитие рыночной экономики и укрепление прав собственности граждан. С ума сойти.